

18+

Бржозовский

СПОСОБЫ

Альберт

Альберт Олегович Бржозовский

Способие. Как жить эту творческую жизнь, и нужно ли это вообще

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73751058

ISBN 9785006966109

Аннотация

Здесь содержатся находки за более, чем 20 лет разносторонней творческой деятельности. Заключение об искусстве, художниках, ремесленниках, лени, качестве, насмотренности, энергиях, таланте, рутине и массе других терминов, вокруг и внутри которых вращается творчество. С благодарностью Рiku Рубину.

Содержание

1. Доверие (седьмой шаг)	6
2. Границы и академичность	7
3. Клише и стереотипы	8
4. Грани	9
5. Секретный ингредиент	10
6. Хочешь выделиться – сделай не так, как у других	11
7. Методы расшевеливания воображения	13
8. Понятность важнее, чем изысканность	14
9. Сложно сделать легко	16
10. Идеи до/среди/после сна	17
11. Искусство – это неточная наука	18
12. Три кита творчества	19
13. Искусство и питание	21
14. Жертва (восьмой шаг)	23
15. Корзина не потребительская, но мусорная	24
16. Чем больше ощущаешь – тем меньше чувствуешь	26
17. Одержимость и увлечённость	28
18. Медитация в хорошем смысле слова	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Способие Как жить эту творческую жизнь, и нужно ли это вообще

Альберт Олегович Бржозовский

Способие структурирует то, что вы, скорее всего, уже знаете, но еще не сформулировали – особенно если хотя бы раз вам доводилось создать что-то под импульсом вдохновения.

Содержащиеся в Способии очерки взаимозависимы и пересекаются друг с другом через пометки вроде (см. 27). Обнаружив в тексте такую пометку, вы можете переместиться к очерку с соответствующим номером – в нем будет подробнее развернут упомянутый термин или утверждение. Книжная альтернатива гиперссылке)

К тому же, после пронумерованного массива находятся два важных раздела: «Основы» и «Указатель». в Указателе приведен список опорных терминов, вокруг и внутри которых

вращается творчество, и рядом с каждым термином – номер очерка, в котором этот термин играет ответственную роль.

Таким образом, Способие – не столько книга, сколько расшифровка состояния. Система с примитивной, но важной навигацией. Лабиринт, в который можно войти в любой точке и выйти в разных местах, каждое из которых будет правильным.

© Альберт Олегович Бржозовский, 2026

ISBN 978-5-0069-6610-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1. Доверие (седьмой шаг)

Совсем несложно научиться деятельности по готовым руководствам, развить навыки и расширить квалификацию. Все это требует времени, усидчивости и усердия, но остается в ряду тривиальных, механистичных задач. Заметно сложнее обрести состояние и отношение к выбранному делу, которые привнесут в него особенный неуловимый вкус. Доверие импульсам и творческим энергиям, приходящим извне – один из высших этапов обретения такого состояния. Художник, отвечающий перед искусством и преданный ему, знает, что не существует более чистого и важного мотива творения, нежели тот, который исходит из вдохновения. А вдохновение в этом случае есть ни что иное, как *подсказка, на которую художник получил право*. Доверие таким подсказкам предостерегает создателя от упования на разум, сторонние советы или непрошеное мнение. Да, это действительно сложно – согласиться с никчемностью рациональности, образованности, рассудительности, авторитетов, привычек, убеждений и всего, что составляло ценность и весомость личности. Сложно согласиться с функцией слуги и еще сложнее научиться *быть благодарным* за такую, казалось бы, мало-значительную роль. Однако, именно такое согласие привлекает на сторону художника всесильного союзника – искусство.

2. Границы и академичность

– это отпрыски художественных ремесел, поставленных на поток. Наборы последовательностей и норм, выверенных десятилетиями с тем, чтобы навесить ярлыки, обезводить и выдать строгий сухой остаток, условно называемый классикой. *Инструкция к искусству*. Само по себе это определение звучит, как чепуха (хотя оно абсолютно точное), потому как не мы создаем искусство, но искусство – нас. При этом не стоит путать навыки обращения с инструментами (скажем, как правильно накладывать мазки краски, чтобы передать округлый объем предмета) с алгоритмами, приучающими творческое лицо к *стандартам результата*. Творческий процесс – это всегда эксперимент над собой, над временем, над представлениями о действительности. Без эксперимента творчество становится ремеслом. Искусство и его воспроизведение по прихоти преподавателя невозможно. Все, чему мы в действительности можем научиться – это верное отношение к искусству (см. 27). То, что предлагают нам академические формы выражения созидательной энергии – это привитие нашим работам фальшивых признаков художественности, так как любые преподаваемые границы и стандарты – суть дешевое *подражание почерку* великих мастеров. Познавание оных подходит для кругозора и наращивания насмотренности, но никак не для руководства к действию.

3. Клише и стереотипы

Некоторые деятели искусства (мнимые или подлинные) часто воспринимают клише и стереотипы в штыки и всякий раз ощетиниваются, когда сталкиваются с этими явлениями. Чаще всего такое происходит после того, как художник или ремесленник хотя бы единожды ощутил вдохновение – его светлую и бодрящую искру, оживляющую творческий процесс. Но такая острая реакция (нормальная для неопита) не всегда оправдана. Клише может стать полезным инструментом для подчеркивания обыденности ситуации, насмехания над ней или сигналом самому созидателю, что он *пытается прыгнуть выше головы* (см. 64). Ведь если развитие идеи свелось к стереотипу, значит эта идея уже была реализована лучше. Также клише может высветить неординарность мышления, ведь интереснее свежей неожиданной рифмы может быть только *оригинальная подводка к ожидаемой*. Однако, не стоит путать клише и закон (как, например, музыкальная гармония, колористика или сочетания вкусов), ведь между ними проходит разделяющая грань (см. 4). Использование клише не есть табу (см. 30), если мастерство позволяет использовать его качественно.

4. Грани

В обращениях с тонкими антиматериями искусства существует очень важное понятие – понятие граней. Грань всегда трудноразличима, практически транслюцентна, но разделяет собой явления, порой заключающие колоссальную мощь. Мастерство художника непременно включает в себя способность взаимодействовать с гранями. И первый из навыков такого взаимодействия – это умение *разглядеть их*. Уметь нащупать, расслышать и распознать предел, за которым все старания и расход ресурсов окажется тщетным невероятно важно, иначе смешаются графомания и вдохновение (см. 61), появится риск перепутать абсурд с бредом (см. 46), а терпкость с горечью.

Второй навык – это распознавание явлений, лежащих по обе стороны от грани. Мудрость персонажа книги может перевоплотиться в помпезность как только автор позволит ему переступить через грань и возгордиться своей мудростью. Для этого достаточно всего одного слова – и ценность совета персонажа станет навязыванием точки зрения, которую никто не спрашивал. Третий навык, необходимый в работе с гранями – это определение решающего фактора: секретного ингредиента (см. 5). В большинстве случаев именно его присутствие (все верно, присутствие) обычно склоняет чашу весов в нежелательную сторону и отравляет работу.

5. Секретный ингредиент

Без него творение становится лучше, ведь в большинстве случаев оно начинает портиться и гнить из-за того, что в нем есть *что-то лишнее*. Секрет решающего ингредиента в том, чтобы изъять его, а не добавить. Представьте, как музыкант пытается оправдать не слишком удачное гармоническое решение в аранжировке, и вся мелодия из-за этого превращается в глупую какофонию. Так же пересоленное блюдо разбавляется картофельным крахмалом и становится склизким. Свадебная укладка вызывает смех у гостей, потому что парикмахер решил выложить все – пусть даже и несочетаемые – идеи на одну голову, чтобы похвастаться навыками. Уникальность секретного ингредиента в том, что он должен быть обнаружен и *исключен из работы*. Чтобы справиться с этой, казалось бы, небольшой, но сложной и очень важной задачей, нужно всякий раз задаваться вопросом: *становится ли работа лучше* из-за того или иного решения. Если творческая дисциплина художника достаточно высока, и он умеет признавать свои ошибки, распознать и изъять секретный ингредиент будет просто. Если же мастерство создателя находится на высоком уровне, этот ингредиент и вовсе будет отложен в сторону сразу – как только попадется на глаза.

6. Хочешь выделиться – сделай не так, как у других

«Рабочая формула» – это очередной придаток заурядности. Рабочие формулы хороши в процессе обучения, познании ошибок и для повышения насмотренности, но, когда речь заходит о прикосновении к искреннему вниманию человека, «проверенные методы» оказываются бессильны. Их уже видели. Уже распробовали, прожевали, проглотили, переварили, высрали, подобрали, завернули в другую упаковку и цикл замкнулся. Пройдите по привычному для вас пути от дома до работы и отвлекитесь от того, что происходит у вас в голове. Посмотрите, какое количество информации навязывается вашему восприятию и оцените, какой ее процент находит в вас отклик. Этот ничтожный процент и есть *проявление изобретательности, смелости и вкуса*. Весь остальной массив – это побочный продукт «рабочей формулы», когда-то давно ставшей открытием: последствием эксперимента, прорвавшего плотину привычной посредственности. Со следующим прорывом произойдет то же самое, потому что в условиях главенствующей лености самый первый вопрос, который задает себе подавляющее большинство производителей контента – это «Зачем изобретать велосипед?» Сама формулировка этого вопроса, его суть пред-

ставляется крайне недальновидной, ведь она кощунствует над *важностью развития*. Там, где нет развития, остается только деградация. Зачем обезьяне понадобилось брать в руки камень? Можно было продолжать бросаться дерьмом – *как остальные сородичи*.

7. Методы расшевеливания воображения

Даже самый прожженный выдумщик однажды может зайти в тупик. Для человека творящего и производящего отсутствие движения мысли может стать поводом для глубоких расстройств, но вместо того, чтобы тратить время на взращивание жалости к себе, такому человеку нужно прибегнуть к методам, приводящим мысли в активную фазу – так же, как движение разгоняет кровь и согревает тело. Это – творческая дисциплина. Если вы можете открыть книгу в четырех разных местах и собрать из четырех предложений идею для песни, запишите и используйте этот способ, когда мысль закаменеет настолько, что трудно будет вспомнить даже свое имя. Если, слушая музыку, вы можете увидеть в ее звучании размытый сюжетный эпизод и следом перенести его в эскизную тетрадь, повесьте табличку с напоминанием об этом на двери своей мастерской. Если запах ароматических палочек пробуждает в вас воспоминания о романтическом периоде жизни, в котором никогда не иссякает будоражащая ценность моментов, пусть эти палочки всегда лежат у вас на полке – под самым носом. У каждого художника есть свои инструменты противодействия лени сознания, и чем больше этих инструментов – тем выше мастерство.

8. Понятность важнее, чем изысканность

Первейшая задача художника – помочь другим людям воспринять красоту и мудрость мира (см. 53). Это предназначение всегда будет превалировать над любыми другими свойствами и целями, и оно остается маяком для творцов, порой чрезмерно увлекающихся кипящей яркостью вдохновения. Безусловно, повышение мастерства (см. 40) и развитие навыков обозначает ни что иное, как уважение к искусству, но чрезмерная витиеватость изложений не всегда украшает труд. В большинстве случаев она становится продуктом вызова, брошенного художником самому себе. Мастер имеет право гордиться виртуозностью обращения с инструментами, но только в том случае, если она приносит пользу работе, а не превращает ее в пусть даже гармоничное, но все же нагромождение сложностей. Тот, кто будет черпать пользу из этой работы воспринимает и усваивает информацию во время пауз, поэтому слишком плотный поток информации утомит созерцателя и надломит его внимание. А значит, какой бы красивой и мудрой работа ни была, получится, что она выполнена зазря. Поэтому, находясь на развилке, ставящей перед беспрецедентным выбором между изысканностью изложения и доступностью информации, предпочти-

тельное выбирать доступность. Но в самом лучшем случае нужно уметь держать между ними баланс.

9. Сложно сделать легко

Если слова в этом заголовке поменять местами, его смысл изменится, но останется правильным. Можно повторить перестановку еще и еще раз, и на свет явятся новые корректные утверждения, находящиеся в пространстве между этими словами. В то же время фраза из заголовка (в любой из ее форм) сама по себе является хорошим наглядным примером того, о чем она говорит. Она очень проста, но содержит в себе многогранность и лаконичность. Найти ее среди миллиардов комбинаций слов было крайне сложно, но окутывать развертывающимися витиеватыми пояснениями не составляет труда. Очень легко наворотить детализированные готические фасады, и крайне сложно придать единице архитектуры простое свойство, делающее ее всемирно известной. Скажем, легкий наклон. В подавляющем большинстве случаев такая простота и легкость идеи и – соответственно – ее выражения является не продуктом деятельности человеческого разума, но озарения, вдохновения или сигнала, которые, как нам уже известно, невозможно подделать или сгенерировать. Только заслужить. Продукт же человеческого разума всегда сложен, потому что всеми способами стремится *оправдать значимость эго*, а это заведомо проигрышное стремление.

10. Идеи до/среди/после сна

Идея часто приходит, когда это неудобно. Таким образом искусство в очередной раз проверяет нас. Вдруг, на самом деле, нам интереснее досмотреть серию или выбрать глазированный сырок, чем прислушаться и – затем – воплотить. Или, например, нам больше хочется поспать. Очень важно уделять внимание тому, на что настраивается восприятие перед сном, между фазами сна и сразу после пробуждения. В эти периоды естественные функции сознания уступают место неограниченным потокам, и образ мышления может уловить удивительные, животрепещущие комбинации. Искусство наиболее активно обращается к нам тогда, когда наши *щиты рационального разума опущены*. Возьмите этот факт на вооружение и делайте над собой усилие: записывайте, если (когда засыпаете, встаете посрать посреди ночи, попить, открыть окно или уже проснулись, но еще не успели разомкнуть глаза) слышите, что ваша мысль ярка, словно *принадлежит не вам*. Выспаться вы еще успеете многократно, а вот шанс восстановить в памяти эфемерную искру, скорее всего, не представится.

11. Искусство – это неточная наука

Неточная она потому, что объясняет невещественный, энергетический, духовный слой бытия. Искусство, как и религия, связано с *незримой силой*, и так же, как религия вознаграждает пост и аскезу. Происходит это потому, что в посте и аскезе человек – будь он неведующим о своем таланте, или уже практикующим художником, – пренебрегает материальными благами, желаниями, а иногда и потребностями. Это отречение открывает в нем место новым просторам и глубинам неточной науки. Творческая энергия охотно занимает свободное пространство, но сама не станет вытеснять лишнее до тех пор, пока созидатель не доверится (см. 1) ей всецело, а до этого дорасти совсем непросто. Для человека, преследующего вдохновение и трудящегося над тем, чтобы его заслужить, перестать отчуждаться от материи сродни ситуации, когда биолог перестанет смотреть в микроскоп. Или физик прекратит ставить эксперименты и его инструментом проверки теорий станет медитация (см. 18). Так искусство выдерживает и олицетворяет баланс между двумя, казалось бы, противоположными сторонами человеческой жизни – наукой и религией.

12. Три кита творчества

или, может быть, составляющих, без которых творчество в его исконном виде будет существовать лишь условно. Проведем вкусную параллель.

Пицца – тесто, томатный соус и сыр. Только после них можно говорить о грибочках, беконе, хрустящем луке, халапеньо. Да, да, я голоден, пока пишу это, но ведь таким и должен быть истинный художник, чтоб его.

Тесто творчества – это антиакадемичность. Всеми силами хольте ее и лелейте, давайте ей настаиваться и подниматься, сделайте ее пушистой и золотистой.

Томатный соус – влияние неконтролируемого фактора, воля случая, природа, если хотите. Например, акварель, процесс растекания которой по смоченной бумаге нельзя предугадать наверняка – лишь предположить. Качающаяся лампа в качестве единственного источника освещения при работе в фотостудии. Позволяйте вашим средствам выражения и инструментам удивлять вас и делать за вас что-то неожиданное.

Сыр. О, сыр! Почерк. Идеальный сыр для вашей лучшей пиццы можно искать годами, но, когда он, наконец, укроет и свяжет все ингредиенты, подобранные вами в нужных сочетаниях и пропорциях, подтает на них и будет тянуться вслед за кусочком, блюдо обретет свою лучшую форму.

Пойду-ка я съем что-нибудь.

13. Искусство и питание

Должно быть, вам приходилось слышать выражение «художник должен быть голодным». Ранее творческие силы человека были уверены в том, что голод имеется в виду душевный: голод лишений и страданий, нереализованных целей и безответной, в конце концов, любви. В целом, все это имеет место быть, но то, чем полезна боль, как и почему она влияет на творческий процесс, мы скажем позже (см. 58). Здесь же мы рассмотрим более вещественную сторону выражения и убедимся, что чем более *простым будет питание*, тем более ценными станут мысли, решения и суждения, ведь чем сильнее *физические ощущения*, тем *решильнее они притупляют чувственность* (см. 16). Пойдите-ка, уловите тонкую вибрацию, если брюхо набито так, что даже дышать тяжело. Пищевое изобилие обуславливает скудность мысли, так как, если человека представить сосудом, его вместительность ограничена, и материей этот сосуд наполняется так же, как духом, совмещая их в себе. Искусство вознаграждает пост (см. 11) не потому, что, в пост мы не едим мясо/молоко/что еще запрещает пост, а потому, что, наблюдая за собой, мы совершенствуем такой важный аспект творческого процесса, как дисциплина. Чем изобильнее пищевые предпочтения, чем насыщеннее вкусы, тем скромнее слух художника. Получается, что в его почти буквальных ушах почти

буквальные бананы.

14. Жертва (восьмой шаг)

Жертва – это большое и болезненное слово, но оно способно на куда более важные свершения, нежели причинение вреда. Изначально жертва приносилась в благодарность или при прощении, и в контексте творческого процесса ее смысл приближен к исконному. Искусство не имеет цели чего-то потребовать от нас и не принуждает отказываться от привычного ритма (см. 57). Однако, в тот момент, когда мы отрекаемся от перетягивающих на себя наше внимание излишеств и тем самым освобождаем пространство, творческая искра будет стремиться заполнить его. Таким образом смысл жертвы, как прощения, согласуется с исконным. Мы приглашаем искусство пребывать в нас, просим его *заполнить пустоту, образовавшуюся на месте исключенного лишнего*.

Говоря о жертве, как о благодарности – это передача искусству самого ценного ресурса, находящегося в распоряжении человека – времени. Все поддается изменению, кроме его течения. Жертвой может стать, к примеру, усердный труд или оттачивание мастерства, работа над дисциплиной или поиск резонирующих сигналов, участие в сторонних проектах или повышение качества уже, казалось бы, состоявшихся произведений. Уделением времени художник выражает искусству *высшую благодарность*. Выходит, что жертва – это не боль и лишение, но исцеление и дар.

15. Корзина не потребительская, но мусорная

Посмотрите, как старательно армия маркетологов разрабатывает новые способы затолкать вам в глотку груды бесполезного низкосортного барахла. Но вы не поддаетесь на их ухищрения, потому что умеете отличить качественный продукт от пустого заурядного хлама, и вместо того, чтобы приобретать хлам, выбрасываете его за пределы внимания. Проявления подлинного искусства настолько же легко отделяются от натянутых пародий, реплик и шаблонной безвкусицы (см. 64). И это первая – внешняя – сторона, говорящая о пользе восприятия покупательской корзины, как мусорной. Наглядное напоминание художнику о том, что дерьмо в красивом фантике остается дерьмом, и все равно отправится на помойку.

Вторая сторона – внутренняя – касается творческой дисциплины. Блага и избытки культуры материального потребления не содействуют ясности восприятия или повышению мастерства. Умение отказываться от излишков – это не подвиг и не свершение, *но естественная потребность* художника, стремящегося к развитию и укреплению творческих способностей. Поэтому в глазах созидателя, чьи приоритеты смещаются в сторону послушания метафизическим ко-

лебаниям, чье восприятие утончается и чьи ценности пересматриваются в пользу незримых импульсов, потребительская корзина начинает походить на мусорную.

16. Чем больше ощущаешь – тем меньше чувствуешь

«Золотая антилопа» поведала нам историю о жадном радже, и исход сказки есть грубая, но понятная метафора на заголовок очерка. Ощущения – снаружи, чувства – внутри. Материальное и духовное; тело и душа. Все они – идущие рука об руку неразлучники, и нарушение баланса между ними (см. 56) в большинстве случаев ведет к неблагоприятным последствиям. Важность жертвы (см. 14) строится на этом же принципе. Однако, всегда стоит помнить о том, что любой фактор, встречающийся на противоположных чашах весов, может находиться в трех состояниях (количествах): отравляющее (избыточное), здоровое и недостаточное. Недостаточное количество ощущений будет сбалансировано отравляющим объемом чувств. И напротив: если ощущений слишком много, чувствам будет негде разместиться. Поиск *равновесия между ощущениями и чувствами* – увлекательный и важный процесс, крайне необходимый художнику, желающему нести в окружающий мир здоровую продуктивность. Исключение может составлять тот малый процент творческих людей, чьи бытовые обстоятельства не принуждают к социальной ответственности. Такие люди имеют возможность совершить последний шаг в причастии к искусству – отречение (см. 19),

и только после этого балансами допускается пренебрегать. Однако же пренебрежение не опустошает чаши весов.

17. Одержимость и увлечённость

Между ними проходит очень тонкая грань (см. 4). Сила этих явлений одинакова, импульс и мотивация, вселяемые ими в нутро человека сравнимы по интенсивности, но результат, который они приносят, разнится полярно. Увлечённость всегда *подпитывает носителя*, раскрывает ему новые горизонты и подталкивает к отважным экспериментам. Увлечённость несет положительный заряд. Одержимость – напротив. Она разрушает и истощает, вводит в состояние паники, заставляет метаться в хаосе и тратить огромные ресурсы на попытки упорядочивания. Одержимость одолевает те сердца, которых *не касалась дисциплина* – и это одна из причин, почему дисциплина требуется любому творческому лицу. И увлечённость и одержимость – это яркий признак активного течения энергии, и если она все же обратилась в отрицательный поток, самым простым способом ослабить потенциальный ущерб будет медитация, чья суть и польза раскроется далее (см. 18). Одержимость обладает огромной разрушительной силой, потому что она – та же энергия, что вложена в увлечённость, но попавшая в неправильное русло, и охотно увлекающая по этому руслу носителя.

18. Медитация в хорошем смысле слова

Высокие требования, которые ставят перед собой йоги – это, скорее, недостижимые цели, оправдывающее существование. В случае же, применимом к творческим единицам, медитация – процесс спокойной и абсолютной сосредоточенности. Обдумывание – ключ ко многим загадкам. Медитация должна осуществляться при определенных условиях – тех, что помогают перестать потреблять информацию извне или отвлекаться на раздражители. Изолируйте сознание, избавьтесь от дискомфорта, примите покой и начинайте блуждать вокруг своей проблемы, вопроса, выбора, идеи – всего, что требует от вас времени, но не может получить его в *должном объеме*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.